DOI: 10.17976/jpps/2023.03.04
EDN: TMPOVI

ПРЕИМУЩЕСТВА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ АЛЕКСАНДРА БОГДАНОВА В ОБЪЯСНЕНИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Д.Э. Моисеева

МОИСЕЕВА Дарья Эдуардовна, кандидат политических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: moiseeva.d17@gmail.com

Моисеева Д.Э. (2023). Преимущества организационной теории Александра Богданова в объяснении трансформации Европейского союза. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 38-49. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.04. EDN: TMPOVI

Статья поступила в редакцию: 12.08.2021. Принята к публикации: 10.06.2022

Аннотация. Кризисные явления развития Европейского союза свидетельствуют как минимум о замедлениях темпов интеграции, а как максимум – о ее откате в сфере общей политики. Кажущееся отсутствие связи между этими явлениями, будь то Брекзит, европейский долговой кризис или рост популярности партий евроскептиков, способствует тому, что они изучаются изолированно, как отдельные феномены. Однако есть альтернативное видение, которые заключается в том, что все эти события представляют собой разные проявления одного процесса, а именно – трансформации политической системы Евросоюза. Трансформация подразумевает как интеграцию, так и дезинтеграцию. В данной статье организационная теория (тектология) представлена с точки зрения перспективы применения предложенных Александром Богдановым концептов для объяснения наблюдаемых процессов изменения политического пространства единой Европы. Классические теории европейской интеграции ограничены, потому что сосредоточены на изучении движущих сил интеграции, а не на том, что может повернуть интеграцию вспять. По мере политизации интеграции, роста ее влияния на повседневную жизнь европейских граждан и изменения самого Евросоюза возникает запрос на формулирование новых теоретических обоснований, способных объяснить эти изменения (в том числе кризисные). В статье проанализированы современные теоретико-методологические подходы в европейских исследованиях, включая постфункционализм. Сделан вывод об их ограниченности, которая заключается в экстенсивном расширении предметного поля. Постфункционализм, несмотря на его доминирование в европейских исследованиях, не является системной теорией, а значит, что, когда трансформация ЕС сделает очередной поворот, потребуется новая теория. Организационная теория А. Богданова, будучи системной теорией, обладает необходимым понятийно-категориальным аппаратом и потенциалом для объяснения кризисных явлений (в том числе дезинтеграции) как части большего процесса. Тектологию Богданова отличает рассмотрение (политической) системы как условно "живого" организма, способного к саморегулированию и адаптации. Такой подход к изучения демократических политических систем представляется наиболее адекватным в современных международных отношениях.

Ключевые слова: дезинтеграция, трансформация, Европейский союз, теории интеграции, постфункционализм, Богданов, тектология, организационная теория.

Кризисные явления, с которыми столкнулся Европейский союз за последние несколько десятилетий, бросают вызов не только политикам и евро-

функционерам, но и ученым. Классические теории интеграции оказались не способны объяснить причины и развитие политизации интеграции, кризиса еврозоны, миграционного кризиса, всплеска уровня евроскептицизма и, конечно же, Брекзита, который окончательно пошатнул веру наблюдателей в незыблемость достижений интеграции. Уместно отметить, что информационный шум вокруг кризиса ЕС, спекуляции журналистов на теме дезинтеграции и конца европейского проекта (которые, впрочем, всегда имели место) только мешают вдумчивому теоретическому осмыслению накопленного опыта, равно как и делают это осмысление остро необходимым.

Попытки объяснить происходящее с позиций классических теорий интеграции, будь то *федерализм, неофункционализм, либеральный межправительственный подход* или *структурный реализм*, неизменно заводят в тупик. Эти теории предлагают свое видение результата, к которому должен привести процесс интеграции. В качестве итога интеграции предлагается либо создание федерации, либо полная передача национального суверенитета на наднациональный уровень, либо наделение властными (равно как и контролирующими) полномочиями общих институтов. Однако само по себе утверждение, что развитие идет к заданному и заведомо известному результату, ненаучно, поскольку суть любого процесса – трансформация, которая не может быть предопределена, особенно если речь идет о сложных социально-политических изменениях глобального или регионального уровня. Поэтому задача исследователя заключается не в том, чтобы предсказать результат, а в том, чтобы *объяснить трансформацию*, осмыслить полученный опыт. Актуальность данной задачи становится очевидной, поскольку прошлые периоды политической стагнации и кризисов интеграционного процесса часто сопровождались теоретическим тупиком и имели результатом разработку новых теорий интеграции и подходов.

Справедливости ради следует отметить, что пока мы располагаем единственным прецедентом, неоспоримо относящимся к дезинтеграции, – выход Великобритании из Европейского союза. Другие кризисные явления (политического, экономического и иного характера), с которыми сталкивается ЕС в своем развитии, во избежание нагнетания дискурса не должны быть однозначно истолкованы как факты, говорящие в пользу распада Союза.

Настоящая статья имеет своей целью продемонстрировать потенциал и перспективность применения организационной теории (тектологии) Александра Богданова в качестве системной теории, способной объяснить трансформацию (включающую явления как интеграции, так и дезинтеграции) политической системы Европейского союза. Так как само по себе обращение к наследию российского ученого может показаться достаточно оригинальным в контексте изучения европейской интеграции, в первой части статьи рассмотрим актуальные теоретико-методологические подходы, призванные объяснить явления дезинтеграции в ЕС. Задача автора состоит в том, чтобы показать их сильные и слабые стороны в объяснении кризисных явлений в ЕС. Во второй части статьи будут представлены организационные механизмы тектологии, продемонстрирована их применимость к процессам трансформации ЕС и проанализированы преимущества перед иными подходами.

Статья не имеет целью дать однозначные определения процессам (дез) интеграции или сформулировать общий подход к чрезвычайно широкому кругу явлений, которые разные теоретические модели относят к интеграции или дезинтеграции (атомизации, децентрализации и т.д.). Гораздо важнее, что

различные концепции по-разному объясняют суть одних и тех же явлений, оперируя разными эмпирическими данными, и их недостаток заключается в отсутствии целостного, универсального видения вещей, которое способна предложить тектология.

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ЕС

До последнего времени европейские исследования не уделяли должного внимания вопросам дезинтеграции, концентрируясь на движущих силах интеграции [Taylor 2008]. Обзор интеграционных теорий показывает, что они практически не рассматривают это явление [Wiener, Börzel, Risse 2009], поэтому здесь все еще остается широкое поле для теоретических построений. При этом отдельные вызовы интеграции, такие как евроскептицизм [De Vries 2018], проблемы расширения и внешней политики [Стратегическая автономия ЕС... 2020], миграционные [Потемкина 2019] и финансовые кризисы [Бажан 2018], не говоря уже о Брекзите [Буторина 2020] и коронавирусе [Энтин 2020], описаны достаточно подробно как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Исследования дифференцированной интеграции [Бабынина 2017] объясняют существование нескольких интеграционных форматов внутри ЕС и разную степень вовлеченности стран-участниц в интеграционные процессы, но опять же не объясняют, может ли интеграция пойти вспять.

Предметное поле европейских исследований чрезвычайно широко. С одной стороны, изучение такого сложного объекта, как ЕС, в его разных аспектах и проявлениях совершенно оправдано и помогает составить о нем максимально объемное представление. С другой стороны, уход в анализ частных явлений мешает формированию единого понимания процесса трансформации, который переживает ЕС на протяжении всего своего развития. И здесь организационная теория, разработанная нашим соотечественником Александром Богдановым еще в начале XX в., может послужить в качестве теоретического фундамента. По справедливому замечанию профессора М.В. Стрежневой, “Незамеченную международниками богдановскую тектологию можно назвать ‘утраченным звеном’ в метатеоретическом основании современной теории МО” [Стрежнева 2020: 113]. Мы же сосредоточимся на том, каким образом организационная теория способна углубить наше знание о трансформации ЕС. Для этого сперва обратимся к актуальным теоретико-методологическим подходам, использующимся для изучения кризисных явлений интеграции.

Определенные усилия по восполнению пробела в нашем понимании того, какие процессы лежат в основе явлений дезинтеграции, предпринимали видные ученые, чьи работы заслуживают отдельного внимания. Данные теоретико-методологические изыскания могут послужить адекватной базой для исследований узких явлений, которые так же важны.

Одна из первых попыток теоретического осмысления трансформации ЕС (включая явления дезинтеграции) принадлежит итальянскому политологу Стефано Бартолини. Задолго до Брекзита он изложил теоретическое обоснование процессов изменения территориальных и функциональных границ стран – участниц ЕС и проблем структурирования самого ЕС в своей книге “Реструктурируя Европу: формирование центра, строительство системы и политическое структурирование взаимодействий между национальным государством и Европейским союзом” [Bartolini 2005]. С. Бартолини применяет к процессам европейской интеграции идеи норвежского политолога С. Роккана

о формировании государств и политического центра в терминах “границы”, “формирование системы” и “политическое структурирование”[1]. По сути, С. Бартолини развивает холистический теоретический подход, в котором границы, цели и поведение субъектов, а также системные процессы различной природы логично укладываются в объяснение политической (дез)интеграции. Такой подход можно считать универсальным, и его абстрактная терминология может быть использована независимо от типа государственного устройства.

Если говорить о явлениях дезинтеграции, то подход Бартолини может быть полезен в следующем ключе: в нем выделяется взаимозависимость между внешней консолидацией и внутренним структурированием политического формирования. Политическому центру необходимо сохранять определенную степень закрытости, чтобы удерживать субъекты и обеспечивать соблюдение поведенческих норм (“лояльность”) [ibid.: 27]. Без внутренней организации политическое образование не может сохранять свои границы. Степень внешней консолидации отражается в терминах “проницаемость” и “конгруэнтность” (согласованность элементов системы между собой). Чем выше конгруэнтность, тем больше границ разного типа (географических, административных, правовых, культурных, социальных, экономических) совпадают в одной политической формации; чем выше проницаемость, тем больше возможностей для входа и выхода из формации. Причем выход может быть частичным – когда субъект остается частью данной политической формации, но временно пользуется определенными ресурсами другой формации (например, более выгодным налоговым режимом).

Если полный выход остается довольно рискованным и потому случается редко, опция частичного выхода способна в определенной мере удовлетворять невосполненные потребности субъектов и удерживать их от полного выхода. Также для выражения неудовлетворенности есть альтернатива в виде голоса, которая объединяет широкий спектр действий от прямого голосования до протестов. Эффективность использования голоса зависит от “политического структурирования”: чем оно сильнее, тем проще субъектам мобилизоваться, а значит, тем выше будет их лояльность – привязанность к организации, основанная на чувстве солидарности, доверия и общей идентичности [ibid.: 36]. В терминологии С. Бартолини лояльность описывается как “формирование системы”, что означает развитие идентичности, доверия, солидарности и социального капитала через культурную интеграцию, институты социального взаимодействия и права на участие.

Ценность теоретического вклада С. Бартолини заключается в том, что в его представлении (в отличие от классических теорий) европейская интеграция рассматривается не как однонаправленный линейный процесс, но как многомерный и разнонаправленный. *Интеграция на уровне ЕС означает одновременную дезинтеграцию на национальном уровне.* Сильная сторона такого подхода в том, что он объединяет в себе черты функционализма и институционализма для объяснения процессов трансформации национальных политических формирований в наднациональные, а это один из главных вопросов в современных теориях международных отношений. Новое политическое формирование образуется (интегрируется), когда его внешняя консолидация и внутреннее

[1] С. Роккан усилил аналитический потенциал концепции А. Хиршмана “выход”, “голос” и “лояльность”, перенеся эти понятия с микро- на макроуровень [Rokkan 1999].

структурирование достигают определенного уровня, одновременно с уменьшением проницаемости границ и ростом конгруэнтности. Обратный процесс, т.е. распад любого государства и такого формирования, как ЕС, может быть описан в противоположном ключе. Соответственно, политическое формирование дезинтегрируется, когда увеличивается проницаемость границ, уменьшается согласованность элементов системы между собой, падает лояльность, снижается соблюдение поведенческого соответствия, учащаются явления частичного выхода и т.д. [ibid.: 53]. Таким образом, теоретический подход Бартолини устанавливает причинную связь между внешней консолидацией и внутренним структурированием, что позволяет логически объяснять изменения в поведении субъектов системы с процессами (дез)интеграции.

Свой вклад внесли классики многоуровневого управления Лизбет Хуге и Гари Маркс, выдвинув *постфункциональную теорию* [Hooghe, Marks 2009]. Отталкиваясь от тезиса о том, что неофункционализм и межправительственный подход рассматривают в качестве движущей силы интеграции экономические интересы и уделяют мало внимания идентичности и политической мобилизации, Л. Хуге и Г. Маркс стремятся объяснить такие явления, как политизация интеграции, конфликт между элитами и массами и рост влияния идентичности на партийную идеологию. По сути, постфункционализм стал первой теорией региональной интеграции, воспринявшей из практики явления стагнации и дезинтеграции. В основе постфункционализма лежат принципы демократии и институционализма, поэтому изучение интеграции в рамках данной теории разворачивается в логике многоуровневого управления и электоральных исследований, делающих акцент на важности общественного мнения, партийной идентичности и голосования.

Подобно конструктивизму, постфункционализм широко опирается на установки социологического институционализма. В частности, постфункционализм разделяет тезис о значимости социально конструируемых идей, таких как коллективная идентичность и идеология интеграции, поскольку они напрямую влияют на политические предпочтения избирателей, формируют их гражданскую позицию и поведение, а значит, их необходимо учитывать [Leuffen, Rittberger, Schimmelfennig 2022]. Поэтому движущие силы интеграции не могут быть ограничены функциональными потребностями или материальными интересами. Интеграция, как и дезинтеграция, всегда имеет еще и идейную (идеологическую) составляющую, которая иногда значит даже больше, чем материальная целесообразность. Однако, в отличие от конструктивизма, постфункционализм дает свой ответ на извечный вопрос о том, какие идеи, где и когда имеют значение. Постфункционализм сфокусирован на идентичности и партийной идеологии. Л. Хуге и Г. Маркс полагают, что именно идентичность играет решающую роль в многоуровневом управлении, особенно на региональном уровне [Hooghe, Marks 2009: 12]. Что касается идеологии, то ее значение не представляется возможным игнорировать с тех пор, как вопросы интеграции стали неотъемлемой частью политической повестки стран Европы. Иными словами, речь идет о политизации интеграции, начало которой связывают с вступлением в силу Маастрихтского договора в 1993 г. Любые актуальные попытки объяснить (дез)интеграцию должны принимать во внимание общественное мнение, партийную политику, коллективную идентичность и, как результат, поддержку (или ее отсутствие) процессов интеграции. Акцент на важности внутриполитических процессов в странах-участницах и рост популярности идеоло-

гии евроскептицизма делают национальных избирателей и партии ключевыми акторами, определяющими движение интеграции, наряду с правительствами. А межправительственный торг в процессе принятия наднациональных решений становится ограничен вопросами внутриполитической выгоды.

С одной стороны, мы наблюдаем, что постфункционализм адекватнее предшествующих теорий справляется с объяснением процессов (дез)интеграции. Однако такой эффект достигается благодаря экстенсивному расширению как предметного, так и методологического поля для анализа, что выглядит вполне логично, учитывая всепроникающую силу и последствия интеграции. С другой стороны, постфункционализм не является системной теорией (в отличие от организационной теории Богданова), и в этом заключается его ограниченность. Поэтому вполне вероятно, что через десяток лет, когда процессы политической трансформации в единой Европе повернут в новое русло, потребуется изобретать очередную теорию интеграции, способную предоставить "догоняющее" объяснение жизненных реалий.

Еще одна попытка операционализации дезинтеграции в политическом, экономическом и социальном измерении была предпринята коллективом немецких ученых во главе с А. Эпплер. Они рассматривают европейскую интеграцию как двунаправленный и многомерный процесс, предполагая, что процессы интеграции и дезинтеграции могут происходить одновременно и их можно измерить с помощью одних и тех же показателей [Eppler, Anders, Tuntschew 2016]. При этом ученые отказываются от идеи прогнозирования конечного результата интеграции *(finalité)* или дезинтеграции, что, по мнению автора статьи, совершенно оправдано, ибо явления (дез)интеграции должны рассматриваться как процесс трансформации без привязки к конкретному результату. В этой концепции для каждой отдельной сферы интеграции (политической, экономической и социальной) предлагаются индикаторы для измерения эффектов интеграции и дезинтеграции. Акцент делается на причинно-следственные связи между показателями интеграции, что представляется весьма перспективной моделью для дальнейших эмпирических исследований. Однако, как и в постфункциональной интерпретации, авторы данной концепции подходят к объяснению интеграции экстенсивно, путем расширения предметного поля исследования с политико-институционального до политико-экономико-социального. Уязвимым местом рассмотренных попыток теоретического осмысления трансформации ЕС является тот факт, что они лишены системности. По сути, такие теоретические построения имеют догоняющий характер и утрачивают свою актуальность с последующим развитием ЕС.

Трансформация сквозь призму организационной теории А. Богданова

Рассмотренные в предыдущей части статьи теоретические изыскания в большей или меньшей степени базируются на классических теориях интеграции, так как в своей основе они рациональны, реалистичны и ориентированы на анализ либо функций, либо институтов, либо и того, и другого. Это не умаляет их важности и применимости для эмпирического анализа с целью восполнить пробелы в нашем понимании причин кризисных интеграционных явлений, но все же они не лишены недостатков. И самое главное – они рассматривают интеграцию как процесс со знаком "плюс", а дезинтеграцию – со знаком "минус", и, соответственно, весь понятийно-категориальный аппарат переворачивается *a contrario*, что особенно заметно в подходе Бартолини.

С целью преодоления ограниченностей рассмотренных подходов, весьма продуктивным может оказаться обращение к организационной теории (тектологии) Александра Богданова, который по праву считается основателем общей теории систем [Gare 2000; Локтионов 2016]. А. Богданов стремился сформулировать общие (универсальные) организационные принципы, которые лежат в фундаменте систем любого типа, от биологических до общественных: "Всякая человеческая деятельность объективно является организующей или дезорганизующей. Это значит: всякую человеческую деятельность – техническую, общественную, познавательную, художественную – можно рассматривать как некоторый материал организационного опыта и исследовать с организационной точки зрения" [Богданов 1989: 69]. Таким образом, любое явление, в том числе европейскую интеграцию и ЕС, можно изучать с точки зрения организации. И хотя рассмотрение современных организационных теорий лежит вне предметного поля настоящего исследования, отметим, что Богданов внес свой опосредованный вклад в их развитие. Так, академик Н.Н. Моисеев, затрагивая вопрос о соотношении тектологии и теории организации, писал: "Я вижу в тектологии своеобразное введение в этот актуальный предмет (теория организации. – *Прим. Д.М.*), точнее, в его методологическую основу" [Моисеев 1995: 9].

А. Богданов выделил ряд общесистемных принципов, которые в дальнейшем были обоснованы и доказаны представителями разных наук, в том числе математиками, экономистами, кибернетиками, биологами, социологами [Локтионов 2016]. Важные для понимания процессов (дез)интеграции законы выделяет М.В. Стрежнева: "К главным механизмам формирования систем Богданов относит конъюгацию (соединение комплексов), образование цепной связи (совокупности совпадающих связующих комплексы элементов), ингрессию (форму цепной связи через передаточное звено) и дезингрессию (разрыв связи). Универсальный регулирующий механизм обозначается им термином "подбор", относительно которого естественный отбор по Дарвину является частным случаем из области биологии: это понятие Богданов распространяет на процессы сохранения и разрушения всех видов организации" [Стрежнева 2020: 116]. Таким образом, М.В. Стрежнева экстраполирует механизмы, описанные Богдановым, на науку о международных отношениях, расширяя тем самым сферы применения тектологии и предлагая решение одной из актуальных задач международных исследований, а именно – объяснение причин и сути тех перемен (диалектики), которые мы наблюдаем в международной реальности. Явления региональной интеграции и дезинтеграции в контексте настоящего исследования предстают частным случаем диалектики глобальных процессов.

От теорий европейской интеграции тектологию принципиально отличает рассмотрение организующей и дезорганизующей деятельности как тесно переплетенных и перетекающих одно в другое без противопоставления и взаимоисключения: "Реально явления дезорганизации так тесно переплетаются с организационными, что та и другая характеристики очень часто оказываются равно применимы, смотря по тому, какие активности изучаемых комплексов принимаются в расчет" [Богданов 1989: 163]. А. Богданов неоднократно подчеркивает, что даже дезорганизующая деятельность при ближайшем рассмотрении оказывается результатом "столкновения разных организационных процессов" [там же: 70]. Именно этот тезис позволяет рассматривать интеграцию и дезинтеграцию вместе как составляющие процесса трансформации. Более того, эти явления всегда идут параллельно друг другу, поскольку

"идеальной организованности в природе не бывает: к ней всегда примешана в той или иной мере дезорганизация" [там же: 120].

Нельзя не отметить, что описанные А. Богдановым три типа систем (комплексов) – *организованный, дезорганизованный и нейтральный* – по своей сути отражают сверхзадачу интеграции. В организованных системах целое больше суммы своих частей, в дезорганизованных – меньше, в нейтральных – равно. ЕС как глобальный политический и экономический актор представляет собой не что иное, как организованную систему. При этом ни суммарное влияние государств-членов, ни тем более эти страны по отдельности не могут сравниться с тем, что являет собой ЕС как целостность.

Разница между Богдановым и большинством европейских и американских исследователей интеграции кроется в том, что последние, отталкиваясь от традиции классика политологии Д. Истона, склонны рассматривать политическую систему (в том числе ЕС) как нечто "механическое" – "черный ящик", который выдает "обратную связь"[2] в виде реакций на поступающие из внешней среды сигналы (*input-output*). На данной логической модели зиждется краеугольное для электоральных исследований умозаключение: выборы, политическая мобилизация, общественный протест и проч. влияют на результат работы политической системы, и если в последней происходят какие-либо трансформации, то причину нужно искать в изменении поведения избирателей. На этом основаны концепция А. Хиршмана ("выход", "голос" и "лояльность") на микроуровне [Hirschman: 1970] и подход С. Бартолини ("границы", "строительство системы" и "политическое структурирование") на макроуровне.

А. Богданов же вводит понятие "биорегуляция", означающее способность системы к саморегулированию, что, в противовес "механической логике", характеризует ее как нечто "живое". Именно такое видение демократических политических систем как саморегулирующихся и адаптивных более адекватно политической науке сегодня. Если обратиться к нашумевшему выходу Великобритании из ЕС, вооружившись логикой многоуровневого управления, то непременно последует вывод о том, что Брекзит является решением дилеммы *"выход" – "голос"* (выбор между автономией и необходимостью подчиняться коллективным решениям), а анализ сводится к поиску причин данного выбора [Jachtenfuchs, Kasack 2017]. При этом Брекзит оценивается как результат со знаком "минус", системный сбой в работе механизма, который необходимо починить[3]. Сам ЕС при таком подходе остается за скобками анализа (ведь он не голосовал по вопросу выхода Великобритании), и это сильно ограничивает наше понимание произошедшего.

Организационная теория А. Богданова, напротив, позволяет сместить фокус внимания с частного на систему в целом, т.е. на ЕС. В таком ракурсе Брекзит уже не выглядит столь драматично, и мы допускаем, что случившееся – не столько следствие одного референдума в отдельной стране, сколько глубокий системный процесс (биорегуляции), в результате которого целое отторгает инородное частное и продолжает свое развитие в более здоровом состоянии (принцип подбора в действии).

[2] Справедливости ради отметим, что именно А. Богданов первым сформулировал этот принцип, который в дальнейшем вошел в основу кибернетики и уже из кибернетики был заимствован Д. Истоном.

[3] Аллюзия на известную книгу британского ученого С. Хикса под названием "Что не так с Европейским союзом, и как его починить" [Hix 2008].

* * *

Если говорить о соотношении постфункционализма и организационной теории (тектологии), то первый, несомненно, представляет собой доминирующее теоретическое обоснование в европейских исследованиях. Обращение к тектологии применительно к международным отношениям остается оригинальным, несмотря на признание значимости и прорывного характера идей А. Богданова для других наук. Как отметил Н.Н. Моисеев, "гениальным прозрением" Богданова, опередившим свое время и противоречащим "философским воззрениям, рожденным классическим рационализмом эпохи Просвещения", было именно утверждение изоморфизма физических, биологических и социальных законов [Моисеев 1995: 9]. При ближайшем рассмотрении несложно заметить, что постфункционализм также в определенной степени стремится к изоморфизму. Л. Хуге и Г. Маркс в своем подходе предлагают не ограничиваться анализом (пере)распределения функций, но расширить его на сферы социологии, психологии и геополитики [Hooghe, Marks 2009: 21]. Однако они упираются в главное ограничение структурного реализма (и пытаются преодолеть его), неолиберального институционализма и неофункционализма – взгляд на систему международных отношений, существующую как бы в вакууме, без динамики, отдельно от людей и того, что они думают о происходящем [Стрежнева 2020: 119]. В тектологии Богданова оторванное от субъективного человеческого восприятия толкование действительности невозможно. И разворот теорий интеграции в сторону конструктивизма, обращение к социологии и исследованиям идентичности демонстрируют стремление восполнить недостающий элемент, что лишь подтверждает релевантность идей Богданова, безусловно, опередивших свое время.

DOI: 10.17976/jpps/2023.03.04

BENEFITS OF USING ALEXANDER BOGDANOV'S ORGANIZATIONAL THEORY IN EXPLAINING THE TRANSFORMATIONS OF THE EUROPEAN UNION

D.E. Moiseeva[1]

[1] *Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

MOISEEVA, Daria Eduardovna, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: moiseeva.d17@gmail.com

Moiseeva, D.E. (2023). Benefits of using Alexander Bogdanov's organizational theory in explaining the transformations of the European Union. *Polis. Political Studies*, 3, 38-49. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.04

Received: 12.08.2021. Accepted: 10.06.2022

Abstract. The current development crises of the European Union (EU) reveals at least a slowdown in the pace of integration, if not ia rollback on common policies. The seeming lack of connection between events like Brexit, European debt crisis or the rise of Eurosceptic parties, leads to their isolation as subjects of research. However, there is an alternative view that all these events are different manifestations of a single process which is consistent with a deep transformation of the EU political system. Transformation implies both integration and disintegration. In this article, organizational theory (tectology) is presented from the perspective of applying the concepts proposed by Alexander Bogdanov to the processes of change in the united Europe. Classical theories of European integration are limited because they focus on the drivers of integration rather than disintegration. With the politicization of integration, growth of its influence on everyday life of European citizens and changes in the EU itself, a demand appeared for a new theory that could explain these changes (including crises). The article analyzes modern theoretical and methodological approaches in European

studies, including postfunctionalism. The blind side of postfunctionalism is its extensive expansion of the subject field. Despite the predominance of this theory in modern European studies, it is not a system theory, meaning that another turn of EU transformation will require a new theory to explain it. The organizational theory of A. Bogdanov, being a system theory, is able to provide the necessary assumption and concepts in order to explain crisis phenomena (including disintegration) as part of a larger process. A distinctive feature of Bogdanov's tectology is considering a (political) system as a "living" creature capable of self-regulation and adaptation. This approach to the study of democratic political systems seems to yield better insights in the functioning of the modern International Relations system.

Keywords: disintegration, transformation, European Union, theories of integration, postfunctionalism, Bogdanov, tectology, organizational theory.

References

Bartolini, S. (2005). Restructuring Europe: centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. Oxford: Oxford University Press.

De Vries, C.E. (2018). Euroscepticism and the future of European integration. Oxford: Oxford University Press.

Eppler, A., Anders, L.H., & Tuntschew, T. (2016). Europe's political, social, and economic (dis-) integration: revisiting the elephant in times of crisis. *IHS Political Science Series*. Working Paper No. 143.

Gare, A. 2000. Aleksandr Bogdanov and systems theory. *Democracy & Nature,* 6(3), 341-359. https://doi.org/10.1080/10855660020020230

Hirschman, A.O. (1970). Exit, voice and loyalty: responses to decline in firms, organizations and states. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Hix, S. (2008). What's wrong with the Europe Union and how to fix it. New York, NY: Polity.

Hooghe, L., & Marks, G. (2009). A postfunctionalist theory of European integration: from permissive consensus to constraining dissensus. *British Journal of Political Science,* 39(1), 1-23. https://doi.org/10.1017/S0007123408000409

Jachtenfuchs, M., & Kasack, C. (2017). Balancing sub-unit autonomy and collective problem-solving by varying exit and voice. An analytical framework. *Journal of European Public Policy*, 24(4), 598-614. https://doi.org/10.1080/13501763.2016.1273376

Leuffen, D., Rittberger, B., & Schimmelfennig, F. (2022). Integration and differentiation in the European Union: theory and policies. Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-76677-1

Rokkan, S. (1999). State formation, nation-building and mass politics in Europe: The Theory of Stein Rokkan. Oxford: Oxford University Press. 422 p.

Taylor, P. (2008). The end of European integration: anti-Europeanism examined. London: Routledge.

Wiener, A., Börzel, T.A., & Risse, T. (2009). European integration theory. Oxford: Oxford University Press.

Arbatova, N.K., & Kokeev, A.M. (Ed.). (2020). Strategicheskaya avtonomiya ES i perspektivy sotrudnichestva s Rossiei [EU strategic autonomy and prospects for cooperation with Russia]. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

Babynina, L.O. (2017). Integratsionnye formaty v Evrope i predely evropeizatsii [Integration formats in Europe and the limits of Europeanization]. In A.A. Gromyko, & V.P. Fedorov (Ed.), *Evropa XXI veka: novye riski i vyzovy* [Europe of the XXI century: new risks and challenges] (pp. 145-162). Moscow: Nestor-Istoriya. (In Russ.)

Bazhan, A.I. (2018). Perspektivy evrointegratsii: valyutno-finansovye aspekty [Prospects for European integration: monetary and financial aspects]. Moscow: IE RAS. (In Russ.)

Bogdanov, A.A. (1989). Tektologiya: vseobshchaya organizatsionnaya nauka. Moscow: Ekonomika. V 2-h tt. T. 2. 304 p. (In Russ.)

Butorina, O.V. (2020). The shrinking of the European Union and its integration capability. *Contemporary Europe,* 2, 20-32. (In Russ.) https://doi.org/10.15211/soveurope220202032

Entin, M.L. (2020). Unalternative character of EU development. *Contemporary Europe,* 4, 25-36. (In Russ.) https://doi.org/10.15211/soveurope420202536

Loktionov, M. (2016). Alexander Bogdanov – the founder of General systems theory. *Philosophy of Science and Technology*, 21(2), 80-96. (In Russ.) https://doi.org/10.21146/2413-9084-2016-21-2-80-96

Moiseev, N.N. (1995). A.A. Bogdanov's tektology – contemporary prospects. *Voprosy filosofii,* 8, 8-13. (In Russ.)

Potemkina, O.Yu. (2019). After the Crisis: "A New Start" of the EU Migration Policy. *Contemporary Europe,* 6, 18-29. (In Russ.) http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620191829

Strezhneva, M.V. (2020). Systems approach in international research: on the applicability of the theoretical heritage of Alexander Bogdanov. *Polis. Political Studies,* 4, 112-123. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.08

Литература на русском языке

Бабынина Л.О. 2017. Интеграционные форматы в Европе и пределы европеизации. *Европа XXI века: новые риски и вызовы*. Под ред. А.А. Громыко, В.П. Фёдорова. М.: Нестор-История. С. 145-162. EDN: ZUDFYH.

Бажан А.И. 2018. Перспективы евроинтеграции: валютно-финансовые аспекты. М.: Институт Европы РАН. EDN: WROJYE.

Богданов А.А. 1989. Тектология: всеобщая организационная наука. М.: Экономика. В 2-х тт. Т. 2.

Буторина О.В. 2020. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции. *Современная Европа*. № 2. С. 20-32. https://doi.org/10.15211/soveurope220202032

Локтионов М.В. 2016. А.А. Богданов как основоположник общей теории систем. *Философия науки и техники*. Т. 21. № 2. С. 80-96. https://doi.org/10.21146/2413-9084-2016-21-2-80-96. EDN: XXZQUH.

Моисеев Н.Н. 1995. Тектология А.А. Богданова – современные перспективы. *Вопросы философии*. № 8. С. 8-13.

Потемкина О.Ю. 2019. После кризиса: "Новый старт" миграционной политики ЕС. *Современная Европа*. № 6. С. 18-29. http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620191829. EDN: NAVVBW.

Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией. 2020. Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М.: Весь Мир. EDN: DKGUHU.

Стрежнева М.В. 2020. Системный подход в международных исследованиях: об актуальности теоретического наследия Александра Богданова. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 112-123. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.08. EDN: RXPEST.

Энтин М.Л. 2020. Безальтернативный характер развития ЕС. *Современная Европа*. № 4. С. 25-36. https://doi.org/10.15211/soveurope420202536. EDN: RXTHWE.